
IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Д. М. ЦЫГАНОВ

«И МИРУ ТИХУЮ НЕВОЛЮ В ДАР НЕСЛИ...»

Идеология и прагматика пушкиноведческих работ
профессора Д. Д. Благого (1920—1950-е годы)

В Доме Герцена один молочный вегетарианец, филолог с головенкой китайца — этакий ходя, хао-хао, шанго-шанго, когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой — лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, — сторожит в специальном музее веревку удавленника Сережи Есенина.

О. Э. Мандельштам.
Четвертая проза (1929—1930)

1

Научная карьера Дмитрия Дмитриевича Благого (1893—1984) — «родоначальника советского литературоведения»¹ — не-

¹ Именно так партфункционеры от литературы определяли роль ученого в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Примечательно, что именно Благого Б. В. Дубин выбирает в качестве фигуры, олицетворяющей собой все «советское литературоведение», воцарившееся на «сцене теории литературы» после распада ОПОЯЗа, ликвидации «школы Переверзева» и разгрома молодых социологистов в конце 1930-х гг. (см.: Дубин Б. В. «Русский ремонт»: Проекты истории литературы в советском и постсоветском литературоведении // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: Избранное. М., 2017. С. 619—620). Подробнее о направлениях и результатах научной деятельности Благого в качестве учено-

разрывно связана с контекстом «нового» пушкиноведения, возникновение которого в середине — конце 1920-х годов связано с очередным обострением интереса к творческому наследию поэта.² Примечательно, что Благой, как и, например, занимавшийся в двадцатые проблемами гоголевской поэтики В. В. Виноградов,³ позднее последовательно отмежевывался от ранних научных опытов, ощущая себя пушкинистом, и локализовывал свою специализацию именно в области изучения пушкинских текстов. В первой половине 1920-х годов Благой работал в Институте живого слова⁴ и Государственной академии художественных наук (ГАХН).⁵ Однако первые печатные пушкиноведческие тексты Благого начали появляться лишь с 1926 го-

го, выдвинутого партией и правительством «на руководящую работу» в области советского литературоведения, см.: *Благой Д. Д.* Мой путь в науку о литературе, 1971 г. // Советские писатели: Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 84–97; также см.: *Лаврецкий А.* Дмитрий Дмитриевич Благой // Известия Академии наук СССР. 1963. Т. 22. Вып. 1. С. 72–73; *Берков П. Н.* Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-литературной деятельности) // Русская литература. 1963. № 2. С. 267–272; *Пигарев К. В.* Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. 1968. Т. 27. Вып. 1. С. 76–78; *Кулишов В. И.* Ученый и учитель: (К 100-летию со дня рождения Д. Д. Благого) // Известия Российской Академии наук. 1993. Т. 52. Вып. 1. С. 70–77.

² Не случайно весной 1931 года при деятельном участии А. В. Луначарского в Институте новой русской литературы воссоздается Пушкинская комиссия Академии наук (подробнее см.: *Турчаненко В. В.* 1) Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144–180; 2) Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64–74). В состав комиссии (наряду с С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер (Цявловской), Н. К. Козминым, Г. Лелевичем, А. В. Луначарским, Ю. Г. Оксманом, Б. В. Томашевским, Ю. Н. Тыняновым, М. А. Цявловским и Д. П. Якубовичем) входил и Д. Д. Благой, тогда уже опубликовавший ряд важных пушкиноведческих работ.

³ Подробнее см.: *Чудаков А. П.* Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 465–481.

⁴ В 1919–1920 годах — Государственный институт слова, в 1920–1922 годах — Государственный институт декламации (подробнее см.: *Вассена Р.* К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918–1924) // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 79–95; *Горяева Т. М.* «Фабрика поэтов»: К истории Института живого слова // Встречи с прошлым. М., 2011. Вып. 11. С. 231–328).

⁵ Личное дело Благого см.: РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 54. Также см. личное дело Благого в фонде Государственной академии искусствознания (ГИАС): Там же, ф. 984, оп. 1, № 73.

да, тогда как все предыдущее десятилетие (с 1917 года) ученый был увлечен вопросами поэтической биографии Ф. И. Тютчева. Перелом в самоопределении Благого намечился в 1927 году, когда он опубликовал две объемные работы по социологии пушкинского творчества — брошюру «Классовое самосознание Пушкина: Введение в социологию творчества Пушкина»⁶ и двухчастную статью «Евгений Онегин» Пушкина: (Опыт социологического анализа)».⁷

Параллельно Благой работал над рукописью книги «Социология творчества Пушкина: Этюды», вышедшей в 1929 году в издательстве «Федерация» тиражом 3000 экземпляров и переизданной с дополнениями через два года в кооперативном издательстве «Мир» тиражом 5000 экземпляров. В этой книге Благой реализует детерминистский принцип классового анализа,⁸ причудливо совмещая его с методологическими и терминологическими нововведениями Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) — ленинградской «формальной школы»: «...дворянское самочувствие Пушкина, — отмечает Благой, — является <...> драгоценнейшим социологическим ключом, открывающим не одну дверь художественного творчества Пушкина, разрешающим, как нам представляется, немало загадок его творческой эволюции».⁹

Собственно литературные тексты интересовали Благого как свидетельства идеологических трансформаций пушкинского творческого кредо. Вместе с тем уже в этой ранней книге содержится принципиально важное для ученого теоретико-идеологическое положение, состоящее в констатации постепенного усиления в пушкинских поэтике и стиле реалистической тенденции. Так, Пушкин, по мнению Благого, в трагедии «Борис Годунов» «действительно, дал <...> образец величайшей художественной объективности, высокого художественного реализма».¹⁰ В следующих главах Благой

⁶ Благой Д. Д. Классовое самосознание Пушкина: Введение в социологию творчества Пушкина. М.: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1927. Позднее работа была переиздана в составе сборника «А. С. Пушкин», вышедшего в 1929 году в издательстве «Никитинские субботники».

⁷ Родной язык в школе. 1927. № 5—6.

⁸ Еще прижизненные биографы из желания получить покровительство влиятельнейшего Благого будут оправдывать его ранее пристрастие к «вульгарному социологизму». Так, К. В. Пигарев в биографической заметке к 75-летию литературоведа напишет, что якобы уже в 1920-е «наметились в творческом методе Д. Д. Благого и задатки преодоления крайностей “социологизма”»; и далее: «Залогом этого <преодоления> была чуткость исследователя к художественной стороне литературного произведения, а также опора на факты, которыми зачастую пренебрегали “социологи”» (Пигарев К. В. Дмитрий Дмитриевич Благой. С. 76).

⁹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1931. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 73.

последовательно фиксирует реалистический компонент в «Евгении Онегине», где «художник-реалист быстро вступает в Пушкине в свои права»,¹¹ и поэтому, следуя логике ученого, «в романтических поэмах, с одной стороны, с другой — в романе в стихах мы имеем как бы две совершенно различные “природы” — природу поэта-романтика и природу художника-реалиста».¹² Столь навязчивое повторение одной и той же мысли в связи с разными текстами понятно и весьма симптоматично, если держать в уме политико-социальный контекст конца 1920-х — начала 1930-х годов: Благой попросту избрал для себя наиболее безопасный «срединный» путь истолкования творческого метода Пушкина, который позволил ему, с одной стороны, не отказываться от важной для него методологической рамки и, с другой стороны, избежать нападков со стороны еще не усмиренных критиков-налитпостовцев (литераторов, объединившихся вокруг журнала «На литературном посту»), грезивших об эстетической гегемонии «пролетарского реализма».¹³ Следствием этих многочисленных теоретических итераций становится следующий тезис:

От «дворянства» к «мещанству», в пушкинском смысле этого слова, — такова была тенденция и социального бытия поэта, и обусловленного этим бытием его классового самосознания.

В том же направлении шла эволюция его художественного творчества.

¹¹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 141.

¹² Там же. С. 167. Позднее в книге «Стиль Пушкина» Виноградов свяжет усиление «национально-реалистической» тенденции в пушкинской прозе с особым «чувством языка»: «В пушкинском стиле к половине двадцатых годов ярко обнаруживается процесс постепенного преобразования “романтической” системы экспрессивных форм, основанной на эмоциональных изломах, скачках, на резких словесных “поворотах” и напряжениях, на драматической таинственности, — в систему реалистическую. Можно, по-видимому, утверждать, что обе эти системы экспрессивного выражения, меняясь, смешиваясь, дожили до конца пушкинского творчества. Новая реалистическая система экспрессивной изобразительности, развившись из романтических форм экспрессии, приспособив их к новым стилистическим тенденциям и вступив с ними в частичное противоречие и борьбу во второй половине двадцатых годов, не приглушила совсем романтических приемов, но существенно изменила, осложнила и углубила их новой психологической перспективой, разнообразием средств национальной характеристики» (Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 95). Следует также отметить, что Виноградов упоминает работы Благого весьма и весьма дозированно: в 620-страничной монографии содержится всего шесть ссылок, лишь три из которых снабжены кратчайшими прямыми цитатами (в более ранней книге Виноградова «Язык Пушкина» (М.; Л., 1935) ссылки на работы Благого отсутствуют вовсе).

¹³ См., например: Зонин А. Какая нам нужна школа // На литературном посту. 1927. № 11—12. С. 8—15.

В своем бытии поэт все тверже становился на профессионально-писательские ноги.

В своем классовом самоощущении он все более спускался со своих дворянских «аристократических» высот, все яснее проникался сознанием своего действительного социального бытия.

Наконец, в отношении художественной эволюции Пушкина этот же процесс выражался во все большем отходе поэта от начальных «романтических» позиций, в непрерывном нарастании в его творчестве элементов «суровой прозы» — реализма.¹⁴

Именно это положение позднее несколько видоизменится и ляжет в основу концепции книги Благого «Творческий путь Пушкина: 1813—1826».¹⁵

Тогда же, в 1931 году (когда вышло второе издание «Социологии творчества Пушкина»), Благой выступает в качестве автора развернутого предисловия к четвертому тому шеститомного «краснониевского» собрания сочинений Пушкина, а также статей «Критика о Пушкине», «Медный всадник» и «Цензура и Пушкин» в «Путеводителе по Пушкину» (шестой том этого издания). С этого момента Благой начал активную публикационную деятельность, ежегодно увеличивая процент пушкиноведческих работ.¹⁶ В 1934 году появилась программная статья «Проблема построения научной биографии Пушкина»,¹⁷ где отчетливо обозначила себя монополистская претензия Благого, в чьих планах было пересоздать концепцию пушкинской биографии.¹⁸ (В предисловии ко второму изданию «Социологии творчества Пушкина» Благой писал, что не претендует осветить творческий путь Пушкина целиком, а лишь намечает его

¹⁴ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 227—228. Позднее Благой напечатает отдельную многостраничную статью «Развитие реализма в творчестве Пушкина» (Литературная учеба. 1935. № 1), в которой приведенное выше суждение обрстет еще большим числом текстовых примеров.

¹⁵ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950.

¹⁶ Подробнее см.: Дмитрий Дмитриевич Благой: К 65-летию со дня рождения. [Список печатных работ Благого, статей и рецензий на его работы]. М., 1958.

¹⁷ Благой Д. Д. Проблема построения научной биографии Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 247—270.

¹⁸ Отметим, что работа Благого явилась одним из первых опытов концептуализации пушкинской биографии; позднее в связи с 100-летним юбилеем кончины Пушкина число этих попыток значительно возросло (подробнее см.: Мордовченко Н. И. Биография Пушкина: Обзор литературы за 1937 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 513—529). По случаю юбилея Благой переработает статью 1934 года и напечатает ее под названием «На путях к научной биографии Пушкина» (Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3).

«некоторую предварительную схему».¹⁹) Этой статьей Благой буквально расправлялся со всеми предшественниками в деле написания пушкинской биографии: он не только поочередно дисквалифицировал П. А. Плетнева, П. И. Бартенева, П. В. Анненкова, В. Я. Стоюнина, А. А. Венкстерна, А. И. Незеленова, В. В. Сиповского, С. А. Венгерова, П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, В. В. Вересаева, а также ряд иностранных исследователей, но и отмежевывался от бывшего увлечения уже тогда поруганным и заклеянным «вульгарным социологизмом». В его суждениях все больше проступала близость с идеями А. В. Луначарского.²⁰ Благой заключил эту статью жестом приверженности новому идеологическому курсу:

Узко-личная жизнь Пушкина — его житейские перипетии, быт, связи и отношения с людьми, пресловутые пушкинские «романы» и т. д. и т. д. — более или менее существенный подсобный материал к созданию социальной биографии Пушкина, в которой личное, отдельное будет дано в его пронизанности общим, социальным, во всех его конкретно-исторических связях и опосредствованиях, в которой человек неразрывно слит с творцом, с великим культурно-историческим деятелем.

Такая биография Пушкина может быть создана *только в пределах советского марксистско-ленинского литературоведения*. И обязанность нашего литературоведения к столетнему юбилею смерти поэта ее создать.²¹

Накануне 100-летия пушкинской кончины, в 1936 году, в рамках дискуссии о «формализме» произошло разоблачение так называемого «вульгарного социологизма» в изводе Переверзева — Фриче, к которому, как уже отмечалось, в конце 1920-х методологически тяготел Благой. Главной печатной площадкой разоблачителей «формалистов» стал марксистски ориентированный журнал «Литературный критик», ответственным редактором которого был будущий академик П. Ф. Юдин. К этому моменту публикационная активность

¹⁹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 3.

²⁰ Подробнее о спорах середины 1930-х годов вокруг наследия Пушкина и роли работ Луначарского в этих спорах см.: Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С. 171—174.

²¹ Благой Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина. С. 270. Курсив мой. — Д. Ц. Благой еще раз повторил эту мысль в газетной статье «За научное познание Пушкина», опубликованной в «Известиях» (1935. № 197 (5750)).

Благого заметно снизилась: если в 1934 году он напечатал четыре большие статьи, одну энциклопедическую заметку и две рецензии, то в 1935-м — всего две научные статьи и одну газетную. Однако в 1936 году Благой опубликовал сразу две небольшие пушкиноведческие работы — «О Пушкине: (Ответ А. Селивановскому): Сокращенная стенограмма речи на дискуссии о “Спорных вопросах пушкиноведения”»²² и «Академическое издание Пушкина» — в громившем «вульгарных социологов» «Литературном критике» (№ 2 и 5). (Сам Благой до конца жизни будет самокритично отстраняться от ранних методологических пристрастий.) Приближение юбилея обостряло необходимость создания и публикации новой пушкинской биографии, однако с себя Благой эту — им же провозглашенную — обязанность снял.²³ Ни одна из шести его пушкиноведческих статей, вышедших в «юбилейном» году, не претендовала и, в сущности, не могла претендовать на сколько-нибудь серьезное обобщение по вопросу биографии поэта. Тем не менее уже в середине 1930-х годов Благой имел репутацию уважаемого пушкиниста, о чем свидетельствует хотя бы статья «Пушкиноведение» (примечательно, что ее автором была В. С. Нечаева — жена Благого) в девятом томе «Литературной энциклопедии». В ней текстам литературоведа уделен отдельный абзац:

Ряд работ, посвященных по преимуществу вопросу о классовой сущности творчества Пушкина, дал Д. Д. Благой <...>. Творчество Пушкина им рассматривается как отражение перехода русского дворянства от XVIII в. к XIX в., от феодально-дворянского мира к новым буржуазным отношениям. Противоречия между «старинной» и «новизной» в личном бытии П<ушкина>, по Благому, сказались, с одной стороны, в осознании им себя «шестисотлетним дворянином», а с другой — вживанием его в качестве профессионала-писателя в мир буржуазных отношений. Неправильная оценка роли профессионализации в эволюции пушкинского творчества, излишнее доверие к личным высказываниям П<ушкина> о себе при объяснении идейно-исторического смысла его мировоззренческой концепции в известной мере ослабляют убедительность высказываний Благого. Не вполне правильно рассматривает он и социальный смысл декабрьского восстания. Ценной стороной ра-

²² Стенограмму выступления Благого на дискуссии о творчестве Пушкина см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 18, № 20, л. 1—21.

²³ Исчерпывающий список вышедших в 1937 году историко-литературных биографических работ о Пушкине см. в кн.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1937—1948. М.; Л., 1963. С. 108—128.

боты Благого является его внимание к художественной стороне произведений П<ушкина> и синтетическое, обобщающее раскрытие его творчества в его противоречиях.²⁴

Несмотря на кокетливый псевдокритический тон, тем не менее требовавший от Благого немедленных оправдательных жестов (они закономерно последовали, о чем уже было сказано выше), статья эта подчеркивала особость занимаемого литературоведом положения в советской филологической науке. В то же время заслуги всех ленинградских филологов, пренебрежительно названных Нечаевой «текстологами-комментаторами», обобщены в одном крохотном фрагменте энциклопедической статьи.

К концу 1930-х годов Благой, ставший доктором филологических наук (1938) и назначенный заведующим научным и исследовательским секторами Музея им. А. С. Пушкина, не только полностью сменил методологические ориентиры, но и значительно скорректировал стратегию научной самореализации. В 1938 году благополучно перенесший время Большого террора литературовед стал научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького. Тогда же он, по всей видимости, окончательно осознал неизбежность идеологической работы и охотно принялся создавать псевдопушкиноведческие пропагандистские поделки, совмещая это с работой в академической институции. Неразделение научного и политического во второй половине 1940-х годов обеспечит Благому быстрый карьерный рост и позволит стать «первым человеком в советском литературоведении».²⁵ 6 июля 1939 года в «Известиях» появилась статья «Наследие Пушкина», а затем и немецкоязычная статья «Der einsame Puschkin» («Одинокий Пушкин») в изданном в Москве и предназначенном для распространения в нацистской Германии сборнике.²⁶ Кроме упомянутых текстов Благой написал двухстраничную заметку «Лермонтов и Пушкин: К 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова».²⁷ Ни до, ни первое время после принятия постановления Оргбюро ЦК «О литературной критике и библиогра-

²⁴ Нечаева В. С. Пушкиноведение // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. Стб. 445.

²⁵ Именно такой патетической формулой члены Комитета по Сталинским премиям уже в начале 1950-х годов определяли значение занятий Благого для советской литературной науки (подробнее см.: Цыганов Д. М. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М., 2023. С. 512–514).

²⁶ Puschkin: Eine Sammlung von Aufsätzen dem großen russischen Dichter Puschkin gewidmet. М.: Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande, 1939.

²⁷ Смена. 1939. № 10.

фии» от 26 ноября 1940 года Благой из свойственной ему политической осторожности не написал ни одной работы, посвященной пушкинскому творчеству. Отсутствие определенности было вызвано не столько давно наметившимся «национал-большевистским» поворотом,²⁸ сколько переконфигурацией институционального комплекса сталинской культуры: вскоре перестал выходить «обособленный от писателей» журнал «Литературный критик» (к августу 1941 года будет прекращено издание «Литературного обозрения» — двухнедельного приложения к ликвидированному журналу), на страницах которого Благой активно публиковался во второй половине 1930-х годов. Во всех «толстых» литературно-художественных журналах и даже центральных газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др.) создали постоянно действующие отделы критики и библиографии. Вопрос о статусе «советского литературоведения» в его отношении к литературной критике впервые встал столь остро. Главным следствием этого постановления оказалось оформление единого интеллектуального пространства, где отсутствовали границы между литературной критикой и литературоведением. Именно этим объясняется тот факт, что критическая статья о сугубо научном тексте в будущем сможет стать предлогом для серьезной дискуссии.²⁹ Словом, литературная критика, которая по-прежнему оставалась принадлежностью писательской практики, в позднесталинском СССР не просто обрела «конкурентоспособность», но встала в один ряд с точными, естественными и гуманитарными науками, не имея даже четко определенного понятийного (и тем более методологического) аппарата. Результат этого взаимодействия был закономерным. Уровень филологического знания падал, происходила широчайшая экспансия публицистики в академические исследования, а сама наука становилась производной от идеологизированных тезисов газетных передовиц. Именно поэтому

²⁸ Подробнее см.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). СПб., 2009.

²⁹ Так, например, самым грозным выпадом против книги Виноградова «Русский язык» (1947) станет рецензия Б. Н. Агапова и К. Л. Зелинского «Нет, это — не русский язык», опубликованная 29 ноября 1947 г. в «Литературной газете» (№ 59 (2374). С. 3). Вдова ученого вспоминала: «Его обвиняли в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом, и даже хотели объявить его “космополитом”. Последнее обвинение было снято самим ЦК, где нашли, что В[иктор] В[ладимирович] русский ученый и для обвинения в космополитизме не подходит» (Из воспоминаний Н. М. Малышевой-Виноградовой // *Вестник Европы.* 2010. Т. 28—29. С. 234). Подробнее о дискуссии по поводу книги Виноградова см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология: Ленинград, 1940-е: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 574—581.

один и тот же текст мог быть опубликован сперва, например, в «Литературной газете», а затем с минимальной доработкой — в «Известиях Академии наук СССР».

2

На начало 1940-х годов пришлась подготовка сразу двух книжных проектов — сборников статей и материалов «Пушкин — родоначальник новой русской литературы»³⁰ и «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова».³¹ В подготовке этих изданий Благой, тогда заметно снизивший темпы научной работы, тем не менее принял активное участие, по-видимому, не без личной заинтересованности карьеристского толка (не случайно уже в 1943 году филолог займет должность профессора кафедры русской литературы Московского университета). Более того, первый из упомянутых сборников вышел под редакцией Благого (совместно с В. Я. Кирпотиным) и включал сразу две его статьи, организующие концепцию тома.

В давней название «пушкинскому» сборнику статье «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» литературовед тщательно, шаг за шагом подбирал новое риторическое оформление мифологизированной фигуре поэта: Пушкин, если идти вслед за Благой, — не отрицатель культурного прошлого,³² но вдумчивый критик политического настоящего, потому как он «один из первых начинает сознавать основную слабость и европейских буржуазных национально-освободительных вспышек, и, в еще более сильной степени, движения русских дворянских революционеров — неучастие в нем народных масс».³³ Следом Пушкин объявлялся подлинно *народным* поэтом, чем и определялась его роль «создателя новой литературы» — литературы, якобы созданной для *массового* читателя.³⁴

³⁰ Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.

³¹ Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сборник первый: Исследования и материалы. М., 1941.

³² В этом состоит принципиальное расхождение Благого с В. А. Десницким — автором одноименной статьи, напечатанной четырьмя годами раньше (см.: Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 43—65; позднее републиковано в изд.: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 117—140).

³³ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 51.

³⁴ В этом и последующих тезисах идеологизированная риторика берет верх над строгими научными сведениями, о которых Благой предпочел умолчать. Еще в 1937 году В. Страхов опубликовал библиологический очерк «Пушкин и массо-

Благой акцентировал: «И только потому, что Пушкин стремился делать и делал свое основное жизненное дело не без народа и не мимо народа, а с народом, в предельной близости к народному слову, к народному духу, смог он стать родоначальником новой, подлинно национальной русской литературы».³⁵ Отсюда, по мысли Благого, вырастает специфическое отношение к предшествующему (до)национальному культурному опыту: «Своим отношением к литературе XVIII в. Пушкин дает замечательный образец предельно-критического и одновременно подлинно-творческого усвоения литературного наследства».³⁶ И, что куда важнее в контексте нараставшей советско-западной конфронтации, отношение к традиции мировой. «Пушкин, — утверждал Благой, — создает новую русскую литературу в теснейшем литературно-идейном общении с великанами Запада. <...> Отношение Пушкина к величайшим западным гениям — не отношение ученика к учителям (подражает им Пушкин только в ранние годы своей литературной деятельности), а равного к равным»;³⁷ и далее: «Первым из наших писателей Пушкин не только берет от Запада, но и сам начинает давать Западу».³⁸ Таким образом, Пушкин как бы раскрыл экспансивный потенциал русской культуры, ее способность *влиять* на наднациональную эстетическую обстановку. Те же самые смыслы в середине 1939 — начале 1941 года аккумулировались и центральной периодикой: советское политическое руководство, нуждавшееся в оправдании собственной геополитической активности, искало его в прошлом.

вый читатель», в котором подробно реконструировал статистическую сторону вопроса о количестве прижизненных и посмертных изданий пушкинских текстов (см.: *Страхов Вас.* Пушкин и массовый читатель // А. С. Пушкин. 1837—1937: Сб. статей и материалов. Саратов, 1937. С. 115—123). Также см. об этом: *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М., 2001.

³⁵ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 52. В этом тезисе Благой следует давней точке зрения Луначарского, сформулированной еще в статье 1922 года «Пушкин» (Известия ВЦИК. 1922. № 34. 12 февр.); ср.: «В Пушкине-дворянине на самом деле просыпался не класс (хотя класс и наложил на него некоторую свою печать), а народ, нация, язык, историческая судьба» (цит. по: *Луначарский А. В.* Статьи о литературе. М., 1957. С. 143). Подробнее см.: *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2004.

³⁶ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 54.

³⁷ Там же. С. 55.

³⁸ Там же. Вскоре позиция Благого по этим вопросам резко изменится. В 1949 году он будет писать, что Пушкин «беспощадно бичевал <...> раболепство перед иностранщиной, космополитизм, свойственные верхушке русского дворянства и XVIII в., и его времени» (*Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. М., 1949. С. 10).

Параллельно с этим происходило и укоренение сталинского эстетического режима, которое потребовало сперва сформировать у массового реципиента искаженное представление о литературном процессе прошлых столетий, а затем внушить ему мысль о закономерном перерождении «буржуазной» литературы, объятой кризисом, в эстетический эквивалент партийной политики — литературу «социалистическую».

Во время войны существенно сместились ценностные ориентиры всей советской публичной сферы: на первый план выдвинулась тема «советского патриотизма» — основы национальной идентичности. Так, 18 ноября 1942 года А. Н. Толстой выступил в Свердловске на очередной, юбилейной секции Академии наук СССР с позднее многократно переизданным докладом «Четверть века советской литературы», в котором подвел итоги 25-летнему периоду литературного развития. Важность этого выступления состояла в том, что в нем наметились тенденции, затем подхваченные и углубленные писательским начальством: одним из ключевых положений доклада стал вопрос о «советском патриотизме», подготовленном опытом классической литературы прошлого столетия и лежащем в основе литературы современной. Советское «культурное строительство», по мысли Толстого, все отчетливее приобретало «общечеловеческий нравственный и исторический смысл», а единственной формой существования «пролетарского по своему содержанию» искусства оказывалась именно «национальная». Затем положения толстовского доклада развил руководивший писательской организацией Фадеев. В заключительном слове, произнесенном 29 марта 1943 года на закрытии совещания Союза писателей, он заострил внимание собравшихся: «Наш патриотизм — это вовсе не квасной патриотизм. Мы не собираемся представлять себе путь развития русского народа и других национальностей как развитие изолированное».³⁹

³⁹ «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны: Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1. С. 704. Об этом же Фадеев писал в недатированном письме к Вишневскому (см.: Фадеев А. А. Письма, 1916—1956. М., 1967. С. 179). Основные положения Фадеева быстро были «взяты на вооружение»: уже 10 апреля 1943 года в «Литературе и искусстве» (№ 15 (67). С. 1) появилась передовица «О русской национальной гордости»; 7 августа В. Ермилов опубликовал статью «О традициях национальной гордости в русской литературе» (№ 32 (84). С. 2), а 20 ноября — статью «Образ Родины» (№ 47 (99). С. 3), посвященную обзору лирических текстов советских поэтов (среди них были Андрей Белый, Ахматова, Городецкий, Каменский, Пастернак, Хлебников и даже некогда поруганный Есенин), вошедших в «Сборник стихов» (М., 1943; составители В. В. Казин и В. О. Перцов).

Проблема «советского патриотизма» со временем становилась все острее: в середине августа Фадеев выступил по радио с речью «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР»,⁴⁰ в которой наметил основной круг идеологом (подвиг Гастелло, мученическая судьба Зои Космодемьянской, сюжет обороны у разъезда Дубосеково («двадцать восемь героев-панфиловцев») и даже «Седьмая симфония» Шостаковича), не изживших себя и по сей день. Уже тогда началось «воскрешение героев прошлого», призванное пробудить у «среднего человека» способность к «историческому мышлению»:⁴¹ не забыл Фадеев упомянуть Ивана Тургенева, Льва Толстого, Михаила Салтыкова, Федора Достоевского (!), Антона Чехова, Максима Горького, процитировать тенденциозный фрагмент из статьи «О сочинениях Державина» Белинского, «Железную дорогу» Некрасова и «Несколько слов о Пушкине» Гоголя. Венчал эту речь примечательный по своей изворотливости и затененности подлинного смысла патетический фрагмент:

Это понимание советского патриотизма и национальной гордости не только не имеет ничего общего с шовинизмом и национализмом, а, наоборот, является лучшей гарантией против шовинизма и национализма, ибо корни шовинизма и национализма подрублены в нашей стране, ибо никогда еще национальные задачи народов СССР так не совпадали с интернациональными общечеловеческими задачами, как в великой освободительной борьбе народов против германского фашизма.⁴²

⁴⁰ В названии использована формула из заглавия статьи Ленина «О национальной гордости великороссов» (1914).

⁴¹ Первые «симптомы» этого процесса проявились уже осенью 1941 года, о чем свидетельствует запись из дневника А. Первенцева: «...она (родная земля. — Д. Ц.) горит, павшая жертвой нашей военной неорганизованности и слабости. Горят прекрасные поля, горят хижинки, улетают птицы, над Украиной носятся черные стаи бомбардировщиков, носятся почти безнаказанно. Мы оказались слабее в воздухе, мы оказались слабее на земле. Этого не простят нам великие мужи, поставившие на ноги Россию. В могилах поднимаются, как видения Страшной мести, отец отечества Петр Великий, Потемкин, Суворов, Румянцев — победитель Кагула, Кутузов, Богдан, Сирко, Богун, Сагайдачный, Багратион, Нахимов, Корнилов... Поднимаются даже те, кто был сражен в силу своих убогих политических знаний, но сильной любви к отчизне: Лавр Корнилов, Неженцев, Марков, Брусилов, Алексеев, Чернецов, Каледин. Они смотрят на нас: вы взяли силой у нас власть из рук — побеждайте. Мы привыкли видеть, что мы ошиблись и большевики — спасители Отечества русских, — побеждайте, но если вы не победите, почему уничтожили нас, почему не посторонились?» (Первенцев А. А. Дневники: 1941—1945. М., 2011. С. 51).

⁴² «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 793. По-видимому, такое нагромождение риторических союзов (по

Позднее, 6 ноября 1944 года, в речи на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы Сталин провозгласит:

В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплавливает все нации и народности нашей страны в *единую братскую семью*. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза.⁴³

Литературоведение, тогда рассматривавшееся как разновидность *творческой работы*, было подчинено решениям «руководящего центра» Союза советских писателей. Именно поэтому реакция на вышеприведенные слова Фадеева оказалась незамедлительной. В 1943 году Благой, эвакуированный с большей частью коллектива ИМЛИ в Ташкент,⁴⁴ выпустил в местном издательстве 72-страничную брошюру «Пушкин — великий национальный поэт», а в следующем году — статью «Пушкин на фронте» о порубке леса в Михайловском парке (в соавторстве с Н. К. Гудзием) в газете «Литература и искусство».⁴⁵

Идеологическая нестабильность военного времени делала пушкинскую тему ненадежной и до некоторой степени опасной. Отклониться от «партийной линии» в рассуждениях о специфике «русско-

В. Виноградову) призвано зафиксировать и усилить пафос этого фрагмента, построенного на логическом контрапункте.

⁴³ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина // Правда. 1944. № 268 (9725). 7 ноября. С. 2. Курсив мой. — Д. Ц.

⁴⁴ В Ташкенте Благой по совместительству заведовал кафедрой Ташкентского педагогического института (в 1941—1943 годах). По всей видимости, там Благой начал готовить свой лекционный курс «Проза Пушкина», позднее прочитанный студентам МГУ (подготовительные материалы к курсу см.: АРАН, ф. 1828, оп. 1, № 77, л. 1—102).

⁴⁵ См.: Литература и искусство. 1944. № 23 (127). 3 июня. С. 2. Позднее сформулированные Благой тезисы будут взяты на вооружение советскими авторами в своей писательской практике. Так, в частности, В. Инбер в стихотворении «Русский гений» (1949) напишет: «Неправда, будто на войне / Смолкает голос муз. / На фронте с Пушкиным вдвойне / Был крепок наш союз. // Без типографского свинца / И там не обошлось, / Он, спаян с пулею бойца, / Разил врага насквозь» (см.: *Инбер В. Избранное*. М., 1950. С. 32—33; представление Инбер о литературе как об инструменте ведения войны выразилось и в ее публицистике (ср.: *Инбер В. Боеспособность стиха: [Из выступления на творческом совещании в Союзе писателей] // Литература и искусство. 1943. № 14 (66). 3 апр. С. 2)*).

*Профессора МГУ Н. К. Гудзий и Д. Д. Благой на фронте
с лекцией о творчестве А. С. Пушкина для солдатских частей
действующей армии. Март 1944 года.*

Фото майора П. Логинова (АРАН, ф. 1828, оп. 1, № 707)

го национального характера» и его истоках значило поставить себя и свою научную репутацию под удар, который неминуемо бы последовал со стороны завистников и конкурентов, желавших продвигнуться в номенклатурной иерархии и заполучить под свой контроль заветные управленческие рычаги. Думается, с этим и было связано погружение Благого в подробное изучение литературной культуры XVIII века и параллельная подготовка им учебника,⁴⁶ который негласно должен был стать своеобразной московской альтернативой ленинградскому учебнику Г. А. Гуковского.⁴⁷ Вновь к проблемам творчества Пушкина Благой возвратится уже в ждановскую эпоху, после окончательного осуществления *тоталитарной реставрации*. И возвращение это окажется весьма характерным.

3

Четырехлетнее противостояние завершилось победой над гитлеровской Германией. Однако милитаризм не перестал быть частью идентичности советского человека. Уже в начале 1944 года некогда оборонительная война стала войной «освободительной». «Избавление» Восточной Европы от «призрака фашизма» для СССР означало возможность осуществить как территориальное приращение, так и укрепление собственного символического статуса. Советский Союз впервые с конца 1920-х годов разомкнул свои границы и стал до некоторой степени «открытой» политической системой, заинтересованной в межгосударственном дипломатическом взаимодействии. Такое (пере)осмысление имперской культурой собственной *безграничности* (или, если говорить точнее, возросшей *проницаемости границ* советского «закрытого общества») определило и характер тоталитарной экспансии: во второй половине 1940-х годов воображение как некогда главный инструмент нарушения суверенности «внешнего» уступает место иным социально-культурным практикам «перекройки» послевоенного мира.⁴⁸

⁴⁶ См.: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945.

⁴⁷ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М., 1939.

⁴⁸ В качестве центральной практики реализации сталинского имперского воображения Е. А. Добренко справедливо выдвигает разгоревшуюся в конце 1940-х гг. кампанию по «борьбе за мир» (см.: Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. М., 2020. Т. 2. С. 400—419). Отнюдь не случайно и то, что Т. Шишкова — пусть и с явно ревизионистских позиций — рассматривает внутреннюю культурную политику послевоенных лет как инструмент осуществления новой экспансионистской задачи — создания и предъявления внешнему миру «правильного» образа СССР (Шишкова Т. Внеждановщина: Советская

Этот краткосрочный временной промежуток, когда политика предъявляла себя «в чистом виде», стал периодом подъема культуры, которая так долго была «служанкой» этой политики. На несколько месяцев (приблизительно до начала марта 1946 года, когда Черчилль выступит с Фултонской речью) пропала и потребность в агитации. Прежний враг был разбит, а новый еще не найден. Имевшие место локальные всплески идеологической активности не омрачали ситуацию в целом, а то и дело доносившиеся призывы к неукоснительному соблюдению принципов социалистического реализма до середины 1946 года были не столько элементами новой эстетической доктрины, сколько почти рефлекторными попытками партфункционеров от искусства создавать видимость активной пропагандистской работы. Не случайно, что именно тогда стало возможным появление на страницах одного из главных «толстых» журналов, «Октябрь», статьи Ф. И. Панферова «О черепках и черепашках», в которой жесткой критике подверглись методы «партийного руководства» литературой.⁴⁹ В обществе не ощущался былой страх, до войны буквально витавший в воздухе (хотя вскоре людей культуры вновь scuет ужас от возможности начала новой войны⁵⁰).

Не случайно, что именно в таком контексте Благой, обретя уверенность в дальновидности своих робких довоенных попыток глобализации роли Пушкина в истории культуры, вновь обращается к его творчеству и на этот раз избирает еще более наглядную риторическую форму для своих политически выверенных штудий. Сталинизм, видевший источник своей легитимности в «закономерном» ходе исторического процесса, даже в благоприятной геополитической обстановке требовал обращенных в прошлое реинтерпретации и переоценки роли русской литературы в общемировом культурном процессе. Об обеих задачах — «экспорте» сталинской культурной по-

послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М., 2023).

⁴⁹ Подробнее о значении статьи Панферова для послевоенного культурного контекста см.: Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 2. С. 276—277.

⁵⁰ Так, М. М. Пришвин 16 марта 1946 года запишет в дневнике: «В голове кружится речь Черчилля и ответ Сталина: Черчилль выступает как человек со всеми знакомыми нам человеческими личными свойствами. В словах Сталина все нет личного человека и тоже сверхчеловека с истерическим петушиным подпрыгиванием и выкрикиванием. Сталин говорит безлично, как механический робот. И если Черчилль сказал как ему “хочется”, то Сталин говорит как “надо”. Будет война или нет? По словам вождей открытых и смелых, кажется, нет: слишком все открыто. По фактам, особенно в Греции, война уже началась» (Пришвин М. М. Дневники: 1946—1947. М., 2013. С. 82).

литики и его легитимации — в советском публичном пространстве говорилось вполне открыто, поэтому их усвоение в среде интеллектуалов происходило без малейшей задержки. Уже в январе 1946 года Благой опубликовал на страницах первого номера журнала «Литература в школе» статью «Всемирное значение русской литературы»⁵¹ и позднее написал предисловие к изданию прозы Пушкина на литовском языке, вышедшему в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) и предназначенному для экспорта в прибалтийский регион.⁵²

Вплоть до 1949 года, на который пришелся 150-летний юбилей поэта, Благой не отваживался объединять тему пушкинского творчества с вопросом о всемирном значении русской классической литературы. Так, в 1947 году появились две работы о Пушкине: «Пушкин — великий русский национальный поэт»⁵³ и «Пушкин — поэт действительности»,⁵⁴ — а в 1948 году литературовед напечатал еще несколько текстов со смежной проблематикой: стенограмму лекции «Мировое значение русской классической литературы», прочитанной в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве, статью «Мировое значение русской литературы»⁵⁵ и брошюру «Пушкин — великий национальный поэт». Во всех этих публикациях, кишачих повторами и патетическими банальностями, Благой постепенно разрушал некогда насаждавшееся представление о герметичных границах русской национальной художественной традиции. Его логика была весьма прозрачной и вместе с тем беспроегрешной: если русская классика обладает мировым эстетическим значением, то Пушкин, являющийся ее «родоначальником», буквально воплощает в себе это мировое эстетическое значение. Об этом Благой и написал в брошюре «Мировое значение Пушкина», где встраивал Пушкина в контекст сталинской культуры, подспудно утверждая,

⁵¹ Примечательно, что название этой статьи Благого полностью совпадает с названием первой главы в книге А. М. Еголина «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века» (М., 1946), которую литературовед не только читал, но и неоднократно цитировал. И примечательно, что именно Еголин выступил ответственным редактором монографии Благого «Творческий путь Пушкина (1813—1826)» (1950).

⁵² Три годами позднее, в 1949 году, почти 100-страничную биографическую брошюру Благого «А. С. Пушкин» (М., 1949) перевели уже на три языка — венгерский, польский и японский.

⁵³ Стенограмма публичной лекции, прочитанной 16 февраля 1947 года. М., 1947.

⁵⁴ Литература в школе. 1947. № 1.

⁵⁵ Начальная школа. 1948. № 5.

что в его творчестве воплотились все ключевые категории соцреализма:⁵⁶

1) «народность» (ср.: «Гениальный Пушкин — подлинное олицетворение и символ русского национально-исторического бытия. В исключительной ясности его ума, в беспримерной творческой мощи, многогранности облика, небывалой стремительности развития выразилась замечательная одаренность и могучая сила породившего его великого народа»;⁵⁷ «...величайший интерес, тяга, любовь к простому народу, к широким народным массам сказывались в Пушкине в течение всей его жизни»⁵⁸);

2) «идейность» (ср.: «В своих вольных стихах Пушкин явился горячим и вдохновенным провозвестником идей декабризма»⁵⁹);

3) «историзм» (ср.: «Историзм — стремление познать и отразить жизнь общества, народа в ее движении, изменениях, увидеть в настоящем результат предшествующего исторического развития — составляет одну из существеннейших сторон и мировоззрения, и творчества Пушкина»⁶⁰);

4) «партийность» (ср.: «Пушкин стремился и прямо влиять на общественное мнение, рвался к деятельности публициста. <...> В тридцатых годах принялся за издание журнала “Современник”, к которому привлек лучших писателей того времени, к которому хотел привлечь, в противовес “литературным аристократам”, молодого Белинского»⁶¹);

5) «революционный романтизм» (ср.: «В своих рабочих тетрадях молодой Пушкин сделал следующую замечательную запись: “Только революционная голова... может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке”»⁶²).

Благой пока что не объявлял Пушкина первым полноценным практиком социалистического реализма, но через несколько лет он уже писал об этом вполне недвусмысленно. В то же самое время литературовед прекрасно ориентировался в сугубо бюрократическом контексте советской литературной жизни и, помня о недавней травле И. М. Нусинова за вышедшую в 1941 году книгу «Пушкин и ми-

⁵⁶ Подробнее см.: Балина М. Р. Идеюность — классовость — партийность // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000. С. 362—376; Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Там же. С. 377—389.

⁵⁷ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 5.

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 7—8.

⁶¹ Там же. С. 9.

⁶² Там же. С. 10.

ровая литература», по-новому ставил вопрос и адресовался к выгодным идеологическим контекстам.⁶³ Благой писал: «Пушкин уже не только свел поэзию с жизнью, а превратил поэзию в жизнь и жизнь в поэзию».⁶⁴ В этом суждении содержится явная отсылка к статье В. В. Ермилова «За боевую теорию литературы»,⁶⁵ во второй части которой («Против отрыва от современности» — в № 73) главный редактор «Литературной газеты» сосредоточился на сформулированном в «классическом по своей ясности и глубине» докладе Жданова требовании «вторжения литературы во все стороны советского бытия». Именно в этом фрагменте ермиловской работы содержалось суждение, косвенно указавшее на кризисный характер «соцреалистической миметичности». Ермилов писал:

Теория советской литературы до сих пор еще не разрабатывается нами в направлении содействия все большему сближению литературы с действительностью. Более того, — за последнее время в разработке вопросов теории социалистического реализма наметились такие неправильные тенденции, которые могут способствовать не усилению связей литературы с жизнью, а, наоборот, ослаблению этих связей, созданию своеобразных форм ухода литературы от живой действительности.

Однако речь здесь шла о сближении литературы с особой, «социалистической» действительностью (ср.: «...сама наша реальная действительность, в ее трезвой, деловой повседневности, *романтична*, глубоко поэтична по своей внутренней сути. Эта ермиловская идея сформировалась задолго до 1948 года. Еще до войны критик был привлечен к написанию глав, посвященных литературной ситуации

⁶³ В этой ситуации даже свойственные Благому самоповторы обретали новые смыслы. Например, взятая из статьи 1941 года и немного видоизмененная фраза «<Пушкин> сообщил нашей литературе подлинную и всестороннюю народность, сделал ее “поэзией действительности” — органом художественного самосознания общества» (*Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. С. 11; ср.: *Благой Д. Д.* Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 59—60) — в наметившейся культурно-политической обстановке прочитывалась как отсылка к главному положению ермиловской квазитеооретической работы.

⁶⁴ *Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. С. 24.

⁶⁵ См.: *Ермилов В. В.* За боевую теорию литературы! // Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 авг. С. 3; № 73 (2456). 11 сент. С. 3; № 74 (2457). 15 сент. С. 3; № 91 (2474). 13 нояб. С. 3; № 92 (2475). 17 нояб. С. 3; № 93 (2476). 20 нояб. С. 3. Подробнее об этой статье в контексте позднесталинской культурной политики см.: *Цыганов Д. М.* «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст: Исследования молодых ученых. М., 2021. № 2 (5). С. 313—323.

1932—1941 годов, для академической «Истории советской литературы», но подготовленный им материал оказался неудовлетворительным, о чем К. Л. Зелинский писал О. Ю. Шмидту еще в апреле 1942 года. Однако интересна причина недовольства текстом Ермилова: «Написанное им, — сообщил Зелинский, — оказалось неподходящим. Материал был взят вне всякого исторического аспекта, по признаку только *иллюстрации поэтичности советской действительности*». ⁶⁶ Как видим, Благой прямо отсылает к ермиловскому тезису, вновь повторенному критиком во вступительной заметке к брошюре «Наш Пушкин». ⁶⁷ Следует отметить, что брошюры Благого и Ермилова отличаются подозрительным обилием таких «общих мест» как с идейной, так и с сугубо текстуальной стороны: в текстах встречаются не только идентичные фразы, но даже целые фрагменты из одного или нескольких предложений. ⁶⁸

Последовательно Благой расправляется в этой работе и с эйхенбаумовско-тыняновским «формалистским» пристрастием к утверждению исключительной роли Гоголя в истории русской культуры: «...Пушкин прямо подготовил и Гоголя, и так называемую “натуральную школу”». Больше того, Пушкин принимал непосредственное и активнейшее участие и в формировании “гоголевского направления”. <...> “Начало всех начал” русской литературы, Пушкин был началом и гоголевского ее направления». ⁶⁹ В данном случае литературовед следует еще дореволюционной научной традиции (ср. работы О. Миллера, К. Б. Бархина, В. И. Шенрока, В. Н. Мочульского и др.). ⁷⁰ Сводил счета Благой и с уволенным из ЛГУ в ходе

⁶⁶ «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей. Кн. 1. С. 388. Курсив мой. — Д. Ц.

⁶⁷ См.: Ермилов В. В. Наш Пушкин. М., 1949. С. 3. Книгу Ермилова Союз писателей рекомендовал Комитету по Сталинским премиям. Грабарь дал чрезвычайно резкую оценку этому тексту: «А книга Ермилова о Пушкине — это полная чепуха. Это смешно было выставлять. Пошловатая брошюрка. Это дешевка» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 12 января 1950 года // РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, № 36, л. 89).

⁶⁸ Брошюра Ермилова была подписана к печати 3 июня 1949 года, а брошюра Благого — 23 июля 1949 года, что позволяет говорить о намеренной текстуальной вторичности построений филолога.

⁶⁹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 13.

⁷⁰ Так, В. В. Виноградов в статье 1925 года «Гоголь и натуральная школа» отмечал: «С проблемой гоголевской поэтики все теснее и теснее сплетается вопрос о “натуральной” школе, который в последнее время стал очередным. Раньше “натуральный” стиль выступал как синоним “реалистического”. Ввиду неопределенности и широты этого последнего термина самая проблема о “натуральной” (иначе “реалистической”) школе теряет устойчивые исторические очертания. И задача прежних исследователей была ограничить роль Гоголя (особенно решительно

кампании по борьбе с «космополитизмом» В. М. Жирмунским — автором книги «Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы», опубликованной еще в 1924 году: «Южные поэмы Пушкина до недавнего времени упорно именовались “байроническими”. Нет более ложного термина! Пушкин стоял на высотах мировой культуры, владел накопленным веками мировым художественным опытом и свободно, по-хозяйски, распоряжался им. <...> Но если говорить об южных поэмах Пушкина исходя из отношения их к творчеству Байрона по существу, то следовало бы заменить старый термин на прямо противоположный, назвать их а н т и б а й р о н и ч е с к и м и поэмами».⁷¹ Ясно, что Благой занимался подготовкой очередного карьерного витка, который позволил бы ему не только окончательно закрепиться в качестве главы «нового советского литературоведения», но и претендовать на роль его «основателя».

Вместе с тем самым существенным элементом этой *теоретической* конструкции явилось утверждение генетической связи советской соцреалистической литературы с традицией, идущей от Пушкина. Закономерным следствием этой генеалогической мистификации оказались последующие суждения Благого, касавшиеся и органической природы «основного метода», вызревавшего в русской культуре с начала XIX века, и мирового значения соцреалистической книжной продукции, и легитимности сталинской культурной экспансии.⁷²

выдвинутую Белинским и Чернышевским) в создании “реального направления” и восстановить честь Пушкина и Лермонтова» (*Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 222*). Позднее Виноградов существенно пересмотрел свои взгляды и отказал Гоголю в праве на определяющую роль в становлении русской литературной традиции (подробнее см.: *Цыганов Д. М. Пушкиноведческие труды академика В. В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37. С. 181—203*). После смерти Сталина смягчил свою позицию в отношении гоголевского творчества и Благой, который написал небольшую заметку «Великий русский писатель» для сборника «Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе» (М., 1954).

⁷¹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 33. В этой цитате очевидна переключка с фрагментом довоенной статьи Благого, где мысль о «хозяйском» положении Пушкина формулировалась еще не так ультимативно (ср.: «...замечательный художественный синтез Пушкина впитал в себя весь коллективный опыт предшествующего и современного ему литературного развития. Создавая великую национальную сокровищницу своего творчества, Пушкин ощущал себя полновластным хозяином, свободно распоряжающимся всеми накопленными литературными средствами, черпая потребное ему добро всюду, где бы он его ни находил». — Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 59).

⁷² О. Воронина пишет по этому поводу: «С годами тезис (о Пушкине как об общем знаменателе, разделяемом экспансионистским советским государством

Брошюра Благого в то же самое время была лишь одним из сотен текстов, формировавших культурно-политический контекст времени. 8 июня 1949 года в «Известиях» была напечатана статья К. М. Симонова «Великий поэт великого народа», в которой связь между творчеством Пушкина и сталинской конфронтационной политикой прорисовывалась наиболее четко:

Мир в наши дни бесповоротно разделился на два лагеря — на лагерь демократии и на лагерь реакции, на лагерь сторонников мира во всем мире и на лагерь поджигателей новой войны, на лагерь людей, которые ясно видят перед собой светлое будущее человечества и путь к нему, и на лагерь человеконенавистников, которые хотят столкнуть человечество в бездну отчаяния и варварства. Эти два лагеря по-разному смотрят не только на настоящее, не только на будущее, они по-разному смотрят и на прошлое.

И если поджигатели войны и человеконенавистники, те, кто хочет в своих черных целях разбудить в людях самые низменные, самые зверские инстинкты, если этот лагерь ищет себе в прошлом учителей и единомышленников, то он вспоминает знаменитых инквизиторов и знаменитых палачей, знаменитых убийц и знаменитых предателей. Из апостолов он вспоминает Иуду, из дипломатов — Макиавелли, из философов — Ницше. В мировой литературе он повсюду, по капле, собирает всю ложь, весь мрак, весь яд, все разбросанные в истории ее черные страницы. Из истории русской литературы этот лагерь взял себе на вооружение только самые реакционные, самые мрачные, самые клеветущие на человека страницы Достоевского. Так поступает с прошлым лагерь человеконенавистников.

А мы, мы — лагерь людей, видящих перед собой светлое будущее, мы находим в истории, великом прошлом всех народов все ра-

и его новыми спутниками. — Д. Ц.) развивался по нескольким направлениям. Одно из них, продвижению которого способствовали восточноевропейские участники пушкинского юбилея 1949 года, пропагандировало идею этического и эстетического совершенства Пушкина как признака нравственного и культурного превосходства России, которое должны были признать и уважать «братские народы», любящие поэзию. Партийные идеологи настаивали на «доступности» Пушкина для всех славянских народов, а также для русских диаспор в новых оккупированных неславянских государствах; и далее: «Изображенный как сверхчеловек, Пушкин времен холодной войны мог беспрепятственно, почти спонтанно расширяться, помогая своим глашатаям претендовать на все культурное пространство как на «законную» российскую (и, соответственно, советскую) территорию» (Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin as a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 77, 84).

достное, все светлое, все украшающее человеческую душу, все зовущее людей вперед. И среди этого великого наследства человечества мы берем себе на вооружение Пушкина, его светлый гений, его летящую вперед жизнь.

Тем, кто вешает негров, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто на глазах у голодных жжет пшеницу, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет купить совесть народа за яичный порошок, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет залить мир кровью, незачем вспоминать Пушкина, — он их враг, враг каждой их мысли, каждого их слова, каждого их гнусного поступка.

Но тем, кто стоит за мир, тем, кто стоит за равенство людей и равенство народов, тем, кто стоит за свободу и против угнетения человека человеком, тем, кто верит в победу честных людей мира над человеконенавистниками, в победу разума над тьмой, Пушкин — друг, и они, как оружие, поднимают книгу его великих светлых сочинений.⁷³

Симонов зафиксировал сложное культурное разделение не только между СССР и «коллективным Западом», но и между «патриотами» и «низкопоклонниками» в границах Советского государства. И самое примечательное, что маркировало это разделение — оппозиция Пушкина и Достоевского, которые представлялись советской пропагандой как явления идейно и эстетически полярные.⁷⁴ По этой причине пушкинский юбилей 1949 года стал своего рода кульминацией кампании по «борьбе с низкопоклонством перед Западом», что обусловило идеологию и прагматику появившихся тогда пушкиноведческих работ.⁷⁵

Помимо брошюры «Мировое значение Пушкина», Благой в юбилейной гонке 1949 года наспех скомпоновал из почти готовой рукописи «Творческого пути Пушкина» и тут же напечатал еще несколько малостраничных книг брошюрного типа на русском и иностранных языках: «А. С. Пушкин» — 66 страниц, «А. С. Пуш-

⁷³ Симонов К. М. Великий поэт великого народа // Известия. 1949. № 133 (9973). 8 июня. С. 2.

⁷⁴ Истоки этого противопоставления, как представляется, кроются в упомянутой в главе «Пушкин против Достоевского» книги И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература»: «Достоевский претендовал на возвеличение Пушкина, на его наиболее глубокую и объективную оценку. Но он лишь искажил и унизил Пушкина» (Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 382).

⁷⁵ Исчерпывающий список вышедших в 1949 году историко-литературных биографических работ о Пушкине см. в кн.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1949 юбилейный год. М.; Л., 1951. С. 97—143.

кин — великий русский национальный поэт» — 64 страницы, «Пушкин — великий русский национальный поэт» — 32 страницы, «Творческий путь Пушкина» (Стенограмма публичной лекции из цикла «Пушкинские чтения» к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, прочит. в марте 1949 года в Центр. лектории Общества в Москве) — 28 страниц; также Благой опубликовал в научных сборниках, «толстых» журналах и центральных газетах еще около 20 статей, слабо различавшихся не только содержанием, но даже заглавиями (ср., например: «Великий мировой поэт», «Великий поэт великого народа»,⁷⁶ «Великий поэт и патриот», «Великий поэт русского народа (А. С. Пушкин)», «Великий русский патриот (А. С. Пушкин)», «Великий русский поэт», «Гений русского народа», «Гений русской, и мировой литературы», «Пушкин — наша гордость» и проч.). А уже 23 января 1950 года была подписана к печати 580-страничная монография «Творческий путь Пушкина (1813—1826)», затем переведенная на польский и чешский языки.

Книга Благого о Пушкине — образец академического труда, в котором сталинская идеология дана не явно, а буквально вмонтирована в самую концепцию творческого пути поэта. Все ранее обозначившиеся в концептуальном поле работ Благого идеи в монографии переплетены и нарочно поставлены в созависимое положение: таким образом литературовед, по всей видимости, стремился подчеркнуть важность всех этапов *своего* «творческого пути». Весь, на первый взгляд, монолитный концептуальный каркас тома с легкостью можно «разобрать» на ранее не вполне аккуратно смонтированные идеологизированные тезисы, о чем сам Благой «проговаривается» во введении. Так, литературовед отмечает: «В становлении и окончательном утверждении Пушкина как величайшего поэта действительности — заключается его художественное развитие, художественный рост. В этом и состоит замечательный, единственный в своем роде творческий его путь. Этим определяется и мировое значение творчества Пушкина».⁷⁷ В условиях набравшей обороты холодной войны Благой следовал ранее опробованной тактике и намеренно конструировал глобализированный образ Пушкина как поэта общемирового масштаба.⁷⁸ Своей кульминации эта установка

⁷⁶ Эта статья, опубликованная 16 мая 1949 года в «Правде» (№ 136 (11243)), была переведена на английский, испанский, немецкий, румынский и французский языки.

⁷⁷ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). С. 19.

⁷⁸ Подробнее об этом проявлении холодной войны как подчеркнуто эстетического конфликта см.: Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin as a Cold War Writer. P. 63—95.

достигла сперва в докладе «Мировое значение Пушкина» на торжественном заседании общего собрания АН СССР 7 июня 1949 года, позднее вошедшем в состав сборника юбилейных торжеств,⁷⁹ а затем и в одноименной брошюре, напечатанной летом 1949 года. Несколько позже Благой принципиально сместил акцент, сделав Пушкина родоначальником социалистического реализма: «Национальным типом русского искусства, национальным вкладом его в сокровищницу мировой литературы стал русский реализм, основы которого были заложены Пушкиным».⁸⁰ Все эти идеи прямо выразились и в отмеченном Сталинской премией второй степени исследовании Благого. Но предельно ясно, что не *латентный сталинизм*, присущий книге ученого, стал причиной премирования, а банальная бюрократическая вежливость.⁸¹ Благой лично курировал направление литературной критики в Комитете, отвечал за отбор кандидатур и нередко оказывал любезности своим менее успешным в карьерном отношении коллегам.

Награда за такую продуктивность не заставила себя долго ждать. 14 июля 1950 года Политбюро ЦК принимает решение «О т. т. Виноградове В. В. и Благом Д. Д.»,⁸² в котором содержится требование

Принять предложение Министерства высшего образования СССР:

а) об утверждении т. Благого деканом филологического факультета Московского Государственного Университета им. Ломоносова;

⁷⁹ См.: Благой Д. Д. Мировое значение А. С. Пушкина // А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств, 1799—1949. М.; Л., 1951. С. 36—56.

⁸⁰ Благой Д. Д. О национальной специфике литературы // Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1951. С. 96.

⁸¹ Оксман в письме к Струве от 21 декабря 1962 года писал о Благом как о человеке, который не раз способствовал присвоению ученых степеней людям, далеким от академической науки: «На костях погибшего в застенке Г. А. Гуковского сделал карьеру Д. Д. Благой. А укреплял эту карьеру присуждением ученых степеней и званий всем явным и тайным заплечных дел мастерам (именно Благой был председателем Экспертной комиссии при Министерстве высшего образования в 1947—1954 гг.). <...> Этот самый Благой сделал еще одну мерзость. Не успели меня арестовать, как он уже доложил Бонч-Бруевичу и в Главлит, что нужно срочно снять мою фамилию из всех библиографических справочников, которые готовились к юбилею. <...> Мои книги, сданные в печать до моего ареста, выходили без моего имени или под чужими именами, некоторые вовсе не вышли в свет и погибли» (Из архива Губеровского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 37).

⁸² См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991. М., 2000. Т. 1. С. 469—470.

б) об освобождении т. Виноградова В. В. от должности декана филологического факультета Московского Государственного Университета им. Ломоносова в связи с утверждением его директором Института языкознания Академии Наук СССР.⁸³

Страшные сороковые оказались для Благого самым благодатным временем. Всего за несколько послевоенных лет он сумел надежно закрепиться в номенклатурной управленческой «верхушке», а также обрел давно желанный профессиональный статус. Однако амбиции ученого не исчерпывались всем достигнутым. Место «создателя» «нового советского литературоведения» по-прежнему пустовало...

4

В 1951 году Благой переиздал учебник по литературе XVIII века, окончательно потеснив книгу некогда соперника Гукковского, тогда уже погибшего в Лефортовской тюрьме, и выступил автором главы о Пушкине в подготовленной на филологическом факультете МГУ «Истории русской литературы XIX века». Тогда же он вошел в состав Комитета по Сталинским премиям, возглавив в нем секцию искусствоведения и литературной критики. Присуждение Благому Сталинской премии за недавно вышедший труд становится вопросом времени. 14 марта 1951 года Совет министров СССР принял постановление № 981 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1950 год»,⁸⁴ которое оказалось самым объемным за всю предшествовавшую историю существования института премии. Общее количество премированных прозаиков, поэтов, драматургов и критиков достигло 34 (!), в числе которых оказался и награжденный за «Творческий путь Пушкина» Благой. Торжественная выдача дипломов и лауреатских знаков состоялась 27 декабря 1951 года. На нем некоторые приглашенные лауреаты традиционно произносили короткие приветственные речи, по большей части состоящие из славословий Сталину. Однако речь Благого несколько выбивалась из контекста прежних выступлений:

Товарищи! Все мы, советские люди, давно убедились в том, что все, что ни совершается большого, передового, двигающего впе-

⁸³ Этому решению предшествовала недатированная записка Кружкова и Яковлева Маленкову с характеристикой Благого (см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, № 970, л. 233).

⁸⁴ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 53а, № 27, л. 75—113. Документ опубликован: Правда. 1951. № 76 (11913). 17 марта.

ред в нашей стране, все это непосредственно связано с могучей деятельностью того человека, поистине Человека с большой буквы, вниманием и поощрением которого и сегодня обласкан ряд товарищей, лауреатов Сталинской премии 1950 года.

Взять хотя бы область, мне наиболее близкую, — наше советское литературоведение. Перед советским литературоведением советской действительностью были поставлены очень большие, сложные и ответственные задачи: преодолеть старые ложные буржуазные традиции, сделать наше литературоведение подлинной наукой, вывести его на пути передовой марксистско-ленинской науки. Это было нелегко. Много было ошибок, шатаний. Советское литературоведение в буквальном смысле слова выстрадало свое право на советское литературоведение как на передовую науку, и целый ряд лет, как вы помните, в списках Сталинских лауреатов не было ни одного представителя ни литературоведения, ни критики.

И вот в 1948 году были выданы первые премии по критике и литературоведению. Это было и знаком того, что наше литературоведение начинает вступать на правильный путь, и могучим стимулом к дальнейшему развитию.

И вот год за годом, каждый год новые и новые лауреаты в области литературоведения и критики появляются, представляется и выдвигается все больше работ на Сталинскую премию. Это, конечно, большой праздник для нас, деятелей советской литературной науки.

Нечего говорить, товарищи, каким величайшим праздником лично для меня является получение мною Сталинской премии. Огромную радость я ощущаю и очень большую ответственность за то, чтобы носить на груди знак Сталина. Это и значит — быть сталинцем — быть таким же глубоко принципиальным, таким же неподкупно честным, таким же до конца преданным своему народу, делу строительства коммунизма.

И позвольте заверить вас, товарищи, что я все свои силы употреблю на то, чтобы быть достойным этого звания.

Да здравствует на долгие, долгие годы наш Сталин!⁸⁵

Ясно, что Благой, судя по произнесенной речи, вполне определенно оценивал собственную роль в становлении «советского литературоведения», «передовой науки», ставшей для филолога сферой реализации своего неумного карьеризма. Об этом же Благой скажет в речи на Втором съезде Союза писателей 22 декабря 1954 го-

⁸⁵ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 27 декабря 1951 года // РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, № 50, л. 90—91.

да.⁸⁶ Ученый осознал необходимость подготовить и издать новую «Историю русской литературы».⁸⁷

В начале 1950-х годов Благой все больше занимается возникшими в ходе проработочных кампаний конца прошлого десятилетия вопросами национальной специфики литературы.⁸⁸ За навязчивое включение в научное поле этих сугубо пропагандистских смыслов он в 1953 году был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук СССР. В то же самое время круг его исследовательских интересов оставался почти неизменным, а менялась лишь трактовка историко-литературных фактов и, следовательно, идеологическая модальность их презентации. В 1955 году вышла книга Благого «Мастерство Пушкина», объединившая две работы — «Вдохновенный труд» и «Пушкин — мастер композиции». В общем виде эта книжка представляется не вполне удачным опытом диалога / полемики с книгой Виноградова «Стиль Пушкина» 1941 года. Попытка критической реконструкции пушкинской стратегии работы над литературным текстом обернулась несвязными рассуждениями о языковой ипостаси творческого метода Пушкина, перемежающимися пространными цитатами и подкрепленными, например, ссылками на словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. В том же году Благой написал статью о поэте для 35-го тома нового издания «Большой советской энциклопедии», ставшую последней крупной пушкиноведческой работой ученого 1950-х годов.

После внезапно начавшейся мнимой «десталинизации» идеологический контроль стал быстро ослабевать. Культура все стремительнее деинструментализировалась и, как следствие, демилитаризировалась, теряла свой «боевой» потенциал, а Пушкин, как символ

⁸⁶ См.: Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1956. С. 389—392.

⁸⁷ Об этом свидетельствует статья «Вопросы построения истории русской литературы» (Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 5). Первый из трех томов «Истории русской литературы» под редакцией Благого вышел в 1958 году (над подготовкой издания работали группы из Института мировой литературы им. А. М. Горького в Москве и Института русской литературы (Пушкинского Дома) в Ленинграде).

⁸⁸ См., например: Благой Д. Д. 1) Национальные особенности русской литературы // Большевик. 1951. № 18. С. 33—46; 2) О национальной специфике литературы: (Доклад на научной конференции при Московском университете, посвященной годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Июнь, 1951 г.) // Вестник Московского университета. 1951. № 9. С. 83—103; 3) Национальные особенности русской литературы в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. М., 1952; 4) Роль русской художественной литературы в формировании русской нации // Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 1. С. 22—36.

этой культуры, переставал быть поэтом холодной войны. Эти перемены сказались и на последующих текстах Благого о творчестве поэта, которые появились уже в 1960—1980-е годы. Однако написанные в сталинскую эпоху пушкиноведческие работы ученого, как мы старались показать, были отмечены вполне определенной идеологией и явной политической прагматикой, направленными на оправдание сталинской культурной политики и характерной уже для послевоенного времени тоталитарной эстетической экспансии.

В уже не раз цитировавшейся брошюре «Мировое значение Пушкина» Благой писал о Белинском: «...ему еще неясно было то новое, что нес с собой миру Пушкин, как и вообще само наличие этого нового, поскольку неясно было и то новое, что несла с собой человечеству Россия».⁸⁹ Однако сам Пушкин еще в 1824 году дал ответ на это косвенное вопрошание ученого строкой, вынесенной нами в заглавие настоящей статьи.

⁸⁹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 16.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024